

А.Ю. Можайский
В.К. Пичугина
Москва

**ТРАГЕДИЯ «СЕМЕРО ПРОТИВ ФИВ» ЭСХИЛА:
ПРОЕКЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА
В МАТЕРИАЛЬНОЙ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРАХ³**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: образовательное пространство, Сокровище Панагюриште, ритонизированные амфоры, древнегреческая литература, драматурги, литературные сюжеты, трагедии, древнегреческие города.

АННОТАЦИЯ. Многочисленные сюжеты из мифологической истории древнегреческих Фив проявляясь в античной поэзии и прозе разных периодов, открыли почти бесконечную возможность прочтений и интерпретаций. Один из таких сюжетов – о кровопролитной борьбе за власть сыновей царя Эдипа и сопровождавшей эту борьбу осаде города – нашел отражение в трагедии Эсхила «Семеро против Фив». Сюжет трагедии выстроен таким образом, что Фивы предстают городом с особой пространственной организацией: Эсхил обращается к микенской топографии, указывает на наличие города семи ворот и превращает их в центры не только военно-политического, но и нравственно-интеллектуального противостояния. Через детальные описания семи пар нападающих и обороняющихся в воротах города, у Эсхила проступают особенности образовательного пространства Фив. Это пространство, согласно Эсхилу, имеет достаточную большую историю и оформилось благодаря тому, что правители города всегда заботились о том, чтобы создать его для граждан. Не исключением является сын знаменитого фиванского царя Эдипа Этеокл, который желает удержать свое право на отцовский престол и любой ценой уничтожить своего брата-конкурента. Текст трагедии Эсхила «Семеро против Фив», центрированной на нравоучительных описаниях этой братоубийственной войны, потенциально открыт для изучения особенностей античной интеллектуальной культуры и ее проекций в культуре материальной. Одной из таких проекций является сокровище Панагюриште – ритуальный сервиз, где одним из сюжетов является сюжет Эсхила «Семеро против Фив».

A.Yu. Mozhaisky
V.K. Pichugina
Moscow

**THE TRAGEDY “SEVEN AGAINST THEBES” BY AESCHYLUS:
PROJECTIONS OF THE EDUCATIONAL SPACE OF THE CITY
IN THE MATERIAL AND INTELLECTUAL CULTURES**

KEYWORDS: educational space, Panagyurishte's Treasure, ritonized amphoras, ancient Greek literature, playwrights, literary plots, tragedies, ancient Greek cities.

ABSTRACT. Appearing in ancient poetry and prose of different periods, plots from themythological history of ancient Greek Thebes opened up an almost endless opportunity to read and interpret. One of such plots – about the bloody struggle for the power of the sons of King Oedipus and the siege of the city that accompanied this struggle – was reflected in the tragedy “Seven Against Thebes” by Aeschylus. The plot of this tragedy is built in such a way that Thebes appears as a city with a special spatial organization: Aeschylus refers to the Mycenaean topography, indicates the presence of the city of seven gates and turns them into centers of not only military and political confrontation, but also moral and intellectual confrontation. Through detailed descriptions of seven pairs of attackers and defenders at the gates of the city, Aeschylus features the educational space of Thebes. This space, according to Aeschylus, has a suffi-

¹ **Можайский Андрей Юрьевич**, кандидат исторических наук, доцент кафедры Истории древнего мира и средних веков Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет; 125430, г. Москва, ул. Митинская, 38/1; e-mail: a.mozhaisky@mail.ru.

Mozhaisky Andrey Yurievich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of the Ancient World and Middle Ages of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogicak State University, Moscow, Russia.

¹ **Пичугина Виктория Константиновна**, доктор педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института стратегии развития образования РАО; 105062, г. Москва, ул. Макаренко, 5/16; e-mail: Pichugina_V@mail.ru.

Pichugina Victoria Konstantinovna, Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Educational Development Strategy, RAO, Moscow, Russia.

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Воспитание театром и в театре: античная педагогика сцены» №17-36-01006.

ciently large history and took shape thanks to the fact that the rulers of the city have always taken care to create it for the citizens. No exception is Eteocles, the son of the famous Theban king Oedipus, who wishes to retain his right to the father's throne and at any cost destroy his rival brother. The text of the tragedy "Seven against Thebes" by Aeschylus centered on the moral descriptions of this fratricidal war, is potentially open to the study of the features of ancient intellectual culture and its projections in the material culture. One of these projections is the treasure of Panagyurishte – a ritual service, where one of the plots is the plot "Seven against Thebes" of Aeschylus.

Героическое прошлое древнегреческих Фив восходит к микенскому периоду (ок. 1600-1200 гг. до н.э.), когда этот город доминировал в центральной Греции и был замечен даже среди крупных восточных государств хеттов, египтян, ассирийцев, сирийцев и палестинцев¹. Фивы имели внушительную (ок. 19-20 га) и окруженную стенами цитадель на естественной возвышенности, названной впоследствии Кадмеей, царские гробницы и дворец с многочисленными постройками, включая строения, содержавшие архивы с линейным письмом Б. О широком спектре внутренних и внешних контактах Фив свидетельствуют многочисленные археологические находки, позволяющие назвать этот город не только военным, но и интеллектуальным центром своего времени.

После крушения микенских центров ок. 1200 г. до н.э. греческие сообщества в результате поступательного развития вновь создали комплексное общество к началу архаического периода (ок. 750 г. до н.э.). Не исключением стали и Фивы, чьи микенские стены Кадмеи и другие древние памятники должны были заставлять жителей задумываться о великом прошлом. Это выразилось как в аристократической легитимации и культовой составляющей, так и в эпической традиции, воспоминания о которой нашли отражение в трагедии Эсхила «Семеро против Фив», поставленной в 467 г. до н.э.

В центре внимания драматурга находятся события, случившиеся с детьми царя Эдипа до и после осады их родного города Фивы. Описывая Фивы, Эсхил обращается микенской топографии и даже в самом названии трагедии подчеркивает особенности фортификации Кадмеи: оборонять приходится семь ворот города, которые, на наш взгляд, могли реально существовать в микенское время². Особенностью пространства Фив, столь детально представленного у Эсхила, является то, что одной из его составляющих является образовательное пространство города. Это пространство становится «видимым», когда Эсхил детально описывает семь пар нападающих и обороняющихся в воротах города, среди которых сыновья Эдипа – Этеокл и Полиник.

В «Семеро против Фив» Эсхил, описывая борьбу за власть между братьями, берет на вооружение слова Гомера о том, что «гибельно царствовать в Кадмовом доме» (Hom. Od. XI.275)³. Борьба Этеокла и Полиника за отцовский престол разворачивается на глазах их сестер Антигоны и Исмены, которые оказываются в статусе морализаторствующих сестер враждующих братьев. Из двух сыновей Эдипа в Фивах правит только Этеокл, а Полиник вынужден набрать в Аргосе войско и стать одним из семи военных начальников, которые осаждают город. Эсхил описывает штурмующих семь ворот города полководцев, не жалея педагогических красок. Его дальновидный царь Фив Этеокл выставляет в ворота по одному защитнику – антиподу нападающему. Кричащему и пренебрегающему советами прорицателя Тидею в чрезмерно богатых доспехах противостоит сын Этеокла: «Юноша / Он благородный и престолу Скромности / Слуга надежный. Хвастаться не любит он, / Честлюбив, но подлых избегает дел» (Aesch. Sept. 408-411)⁴. Пустому, суетному, заносчивому и мнящему себя почти бессмертным Капанею противостоит Полифонт-силач, которому благоволит Артемида – богиня, строго следящая за нерушимостью издавна установленных обычаев. Третьего гордого полководца в окружении бешеных и рвущих узду коней встречает «гордый в деле, а не в помыслах» Мегарей (Aesch. Sept. 473)⁵. Против безумного и сходного в криках с вакханкой великана Гиппомедонта выставлен храбрый и безупречный во всем защитник Фив, желающий в честном бою испытать судьбу. Пятые ворота Фив от юного и кичливого Парфенопея защищает решительный Актор, который любит не хвастать, а действовать.

Самыми опасными изображены шестой и седьмой нападающие: это мудрый, добрый, честный, умный, порядочный и набожный Амфиарай, волею судеб оказавшийся заодно с врагами, и родной брат

© Можайский А. Ю., Пичугина В. К., 2019

¹ Aravantinos V. The Archaeological Museum of Thebes. Athens, 2010. P. 65.

² Можайский А. Ю. Реки и ворота Фив в трагедиях Эсхила, Софокла и Еврипида как часть образовательного пространства города // *Нуротһекаі*. 2018. Вып. 2. С. 79-96.

³ Гомер. Одиссея / пер. с древнегреч. В. Жуковского; вступит. статья А. Тахо-Годи; примеч. С. Ошерова. М.: Худож. лит., 1981. С. 176.

⁴ Эсхил. Семеро против Фив // Эсхил. Трагедии / пер. С. Апта; вс. ст. Н. Сахарного, комм. Н. Сахарного и С. Апта. М.: Худож. Лит-ра, 1971. С. 141.

⁵ Там же. С. 143.

Этеокла Полиник, жаждущий провозгласить себя новым царем. Против мудреца выставлен нелюбящий чужеземцев Ласфен – «старик умом, цветущим телом юноша» (Aesch. Sept. 622)¹ – подкрепленной лишь одной надеждой, что тот одумается и не пойдет в бой, увидев благодаря своему дару поражение. Против собственного брата выступит сам царь Фив, жаждущий защитить город и родовую честь.

Эсхил особенно подчеркивает, что на щите каждого из нападавших изображено что-то, бросающее вызов богам. Когда Этеоклу сообщают, что седьмой нападающий на Фивы это именно Полиник, Вестник дает ему характеристику и описывает его доспехи следующим образом: «Этот городу / Открыто бед желает и проклятья шлет <...> Вооруженный воин, весь из золота, / Идет вослед за женщиной, с достоинством / Его ведущей. Это Дике. Надпись же / Видна такая: “Человека этого / Верну я в город, в отчем поселю дому”» (Aesch. Sept. 632-3, 644-8)². Резюмируя все это, Вестник говорит, что Полиник – враг, который не гнушается действовать таким обманным способом, т. е. «Δίκη» («обычай», «уклад», «право», «справедливость», «законность») не может его сопровождать. Этеокл взрывается после этих слов, начиная проклинать род Эдипа и напоминая, что имя Полиника обозначает «распря» и «брань» (Aesch. Sept. 658-9). Он называет брата «кичливым безумцем» и сомневается в возможности его возвращения в отчий дом, поскольку Дике просто не может охранять его «в делах» и «в помыслах». Хор робко спрашивает уходящего на бой с Полиником Этеокла, точно ли он желает обagrить себя кровью брата. Царь отвечает, что все в воле богов.

Защитники города, среди которых первым является Этеокл, представлены как чтущие обычаи и богов, поэтому справедливость должна быть на их стороне. Это сопротивление осаждаемым нападающим обречено на успех и похоже на сопротивление Данаид насилию Египтиадов, которые в «Просительницах» утверждают, что на стороне их защитников будет стоять правда (Эсхил снова употребляет слово «δίκη», Aesch. Supp. 343). В «Семеро против Фив» демонстрируется противостояние умных и благородных глупым и заблуждающимся. Наставления Эсхила сводятся к следующему: лучший способ, которым царь может позаботиться о городе, это взрастить достойных горожан, чтобы они при необходимости противостояли недостойным. Горожане, по мнению Эсхила, это дети города, которые достигли «мужественной зрелости» благодаря его особой системе обучения и воспитания (Aesch. Sept. 10-20). Такое описание позволяет увидеть Фивы не только и не столько как осажденный военный центр, но и как город, в котором правители всегда создавали образовательное пространство для граждан.

Аристофан также высоко оценил воспитательный потенциал этой трагедии Эсхила: «Кто увидит ее, тот о львиной душе затоскует и сердце отважном» (Aristoph. Fr. 1022)³. Показательно, что в трагедии не звучит название осажденного города – Фивы – и присутствует лишь косвенное указание на то, что это именно этот город. Эсхил называет город Кадма по имени его мифического основателя. Такая иносказательность имела политические причины: фиванская аристократия во время греко-персидских войн заняла проперсидскую сторону и открыто называть город своим именем Эсхил не решался. Возможно, чтобы продемонстрировать неправильность такой позиции, Эсхил начинает трагедию с призыва: «Народ кадмейский, время не велит молчать...» (Aesch. Sept. 1)⁴. Зрителю, знающему истинный расклад и недоумевающему, почему так старательно осаждают город, который добровольно открыл свои ворота врагу, Эсхил дает «успокаивающую» аналогию: Фивы повторяют судьбу Афин, дважды разоренных и сожженных персами. Как бы то ни было, это греческий город, которому стоит всем сердцем посочувствовать.

Художественной особенностью трагедии, оказавшей воспитательное влияние на зрителя, выступило чередование патриотических речей возглавляющего оборону царя Фив Этеокла с паническим плачем женского хора. Этеокл призывает сограждан к обороне, подчеркивая, что город в свое время позаботился о них и дал им образование, и теперь настал черед отплатить ему заботой: «Земля которой ласково взрастила вас, / Заботы воспитанья («παίδεῖας») на себя приняв, / Чтоб в нужный час по долгу по сыновнему / Вы со щитами вышли на священный бой» (Aesch. Sept. 17-20)⁵. Как только Этеокл покидает стену, плач хора персидских девушек (т. е. не получивших такого образования и саботирующих оборону по незнанию) подрывает решительность защитников города, и царь снова воз-

¹ Эсхил. Семеро против Фив // Эсхил. Трагедии / пер. С. Апта; вс. ст. Н. Сахарного, комм. Н. Сахарного и С. Апта. М.: Худож. Лит-ра, 1971. С. 147.

² Там же. С. 115-116.

³ Аристофан. Лягушки // Аристофан. Комедии. Фрагменты / пер. Адр. Пиотровского. М.: Ладомир; Наука, 2008. С. 679.

⁴ Эсхил. Семеро против Фив // Эсхил. Трагедии / пер. С. Апта; вс. ст. Н. Сахарного, комм. Н. Сахарного и С. Апта. М.: Худож. Лит-ра, 1971. С. 127.

⁵ Там же. С. 128.

вращается. Хор успокаивается под влиянием его наставлений, и снова разражается столами и жалобами на свою горестную судьбу, оставшись в одиночестве.

Этеокл называет хор девушек «несносными созданными», потерявшими разум от страха, и пробует выстроить с ними своеобразные терапевтические отношения, одновременно успокаивая, ободряя, примиряя со случившимся и грозя наказанием за неповиновение. Все это сходным образом действует и на зрителя, у которого возникают аналогии из прошлого и настоящего его родного города. Этеокл в сердцах произносит: «Мужское дело – оборона. С женщины / Спрос невелик: не натворила б дома бед» (Aesch. Sept. 200-201)¹. Слова царя получают особое звучание, если спроецировать их на его сестру Антигону, которая открыто поддерживает Полиника и начинает «спорить с городом» (Aesch. Sept. 1041)². Эта обозначенная Эсхилом линия позволяет говорить о том, что образовательное пространство Фив, как и любого древнегреческого города, было мужским пространством, доступ в которое женщине формально был закрыт. Когда Вестник сообщает, что «город спасся» и братья-цари убили друг друга (Aesch. Sept. 804-5), на сцене появляются Антигона и Исмена. Их речи сводятся к тому, что два трупа – это два плача, т. е. разницы в оценке смертей Этеокла и Полиника быть не может (Aesch. Sept. 972-3). Эсхил разрешает Антигоне и Исмене рассуждать и действовать в мужском пространстве, поскольку произошедшее – это «общее горе жителей Фив» (Aesch. Sept. 1070)³, требующее сплоченности, а не разделения хоть и по уровню образования.

Основная линия, на которой мы сосредоточились в данной статье – образовательное пространство города, проявляющееся через описание семи пар нападающих и обороняющихся, среди которых особо выделяются Этеокл и Полиник – особым образом проявляется в античной материальной культуре. Одним из примеров является ритуальный сервиз, который был найден при добыче глины для производства кирпичей и черепицы в окрестностях города Панагюриште 8 декабря 1949 г. Суммарная масса сервиза составляет 6,144 кг золота (23 карата), и он мог принадлежать фракийскому правителю Севту III, который правил в 330-297 гг. до н.э. Сервиз представляет собой уникальное творение древней торевтики, которое, вероятно, было создано в древнем Лампсаке на берегу Мраморного моря, поскольку на одном из сосудов присутствует соответствующая надпись. Сервиз состоит из блюда и восьми сосудов, среди которых самым интересным по композиции является амфора-ритон.

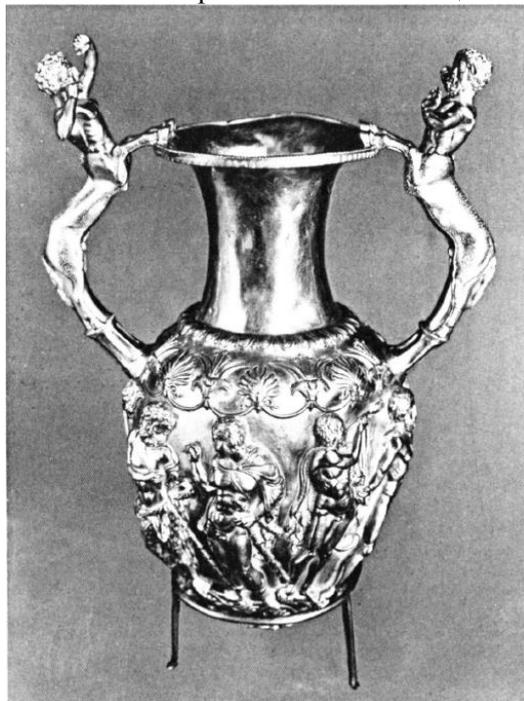

Рис. 1. Ритонизированная амфора из Сокровища Панагюриште. Источник: Simon E., Cahn H. A. Der Goldschatz von Panagjuriste – eine Schöpfung der Alexanderzeit // *AntK*. 1960. No. 3. Taf. 2,5.

Существует распространенная гипотеза о том, что сцены на ритонизированной амфоре (AM-Plovdiv, Inv. № 3203) соотносятся с некоторыми ритонами сокровища Панагюриште, поскольку от-

¹ Эсхил. Семеро против Фив // Эсхил. Трагедии / пер. С. Апта; вс. ст. Н. Сахарного, комм. Н. Сахарного и С. Апта. М.: Худож. Лит-ра, 1971. С. 133.

² Там же.

³ Там же. С. 134.

ражают элементы одного и того же цикла – Троянского¹. Данная версия продиктована, в первую очередь, тем, что на одном из сосудов «Сокровища» изображена сцена из древнегреческого мифа «Суд Париса». Однако известна и другая, имеющая, на наш взгляд, больший вес гипотеза, высказанная в 1960 г. исследователями Е. Симон и Х. А. Кан². По их мнению, на амфоре изображена сцена из трагедии Эсхила «Семеро против Фив». На амфоре присутствуют семь фигур перед воротами и одна из этих фигур – трубач. Отметим, что в трагедии Еврипида «Финикиянки», поставленной на сюжет Эсхила «Семеро против Фив», играющие трубы упоминаются дважды – как констатирующие начало атаки на город (Eur. Phoen.1107) и как прогнозирующие братоубийственную дуэль Этеокла и Полиника: «Им медь трубы сигналом зазвучала...»³ (Eur. Phoen.1379).

Рис. 2. Трубач на ритонизированной амфоре. Источник: Simon E., Cahn H. A. Der Goldschatz von Panagjuriste – eine Schöpfung der Alexanderzeit // AntK. 1960. No. 3. Taf. 4,2.

Е. Симон и Х. А. Кан рассмотрели возможные параллели представленного изображения, сравнив его с тем, что находится в герооне Трисы (совр. юго-западная Турция), где также есть изображение трубы в теме «Семеро против Фив». Героон Трисы был создан около 390-380 гг. до н.э. и представлял собой прямоугольное ограждение (ок. 20 x 24 м, 3 м высотой), в котором находились могилы и погребальное здание. Вершина стен с внутренней стороны была декорирована двумя ярусами рельефов, так же, как и внешняя южная сторона, где были декорированные рельефами ворота. Таким образом, здесь было 210 м. рельефных фризов с примерно 600 фигурами⁴, среди которых есть и изображение мифа о Фивах.

Характеризуя иконографию семи фигур, авторы приходят к выводу, что это семеро атакующих Фивы воинов. Из них особенно интересна фигура прорицателя, держащего в руке печень.

¹ Orachev A. Bulgaria: The beginnings of mining and metallurgy and the ancient treasures. Sofia: Borina Publishing House, 2018. P. 94-95; Можайский А. Ю. Новое слово в историографии древней металлургии и началах горного дела на территории Болгарии // Цветные металлы. 2018. № 9. С. 26.

² Simon E., Cahn H. A. Der Goldschatz von Panagjuriste – eine Schöpfung der Alexanderzeit // AntK. 1960. № 3. P. 3-29.

³ Еврипид. Финикиянки / пер. И. Анненского // Еврипид. Трагедии. М.: Худож. лит-ра, 1969. Т. 2. С. 232.

⁴ Boardman J. Greek Sculpture. The Late Classical Period. London, 1995. P. 191-192.

Рис. 3. Амфиарай (слева) на ритонизированной амфоре. Источник: Simon E., Cahn H. A. Der Goldschatz von Panagjuriste – eine Schöpfung der Alexanderzeit // AntK. 1960. No. 3. Taf. 4,1.

Авторы исследования считают, что это Амфиарай – тот самый нападающий воин, которого Эсхил считал одним из самых опасных для Фив. Изображение этой фигуры на амфоре имеет параллель с рельефом из святилища Амфиарая в Оропе. Дело в том, что в Оропе Амфиарай стал почитаться как герой-целитель и поэтому изображался схоже с Асклепием. Так, мы видим его на вотивном рельефе из Оропа, где бог стоит слева от излеченного Архина, что и посвятил этот рельеф¹. Узнаются на амфоре и другие герои из «Семерых против Фив» (этой же точки зрения придерживается, например, и болгарский исследователь Г. Керкеньяков²).

Рис. 4. «Семеро против Фив» – изображение на ритонизированной амфоре (прорисовка).
 Источник: Simon E., Cahn H. A. Der Goldschatz von Panagjuriste – eine Schöpfung der Alexanderzeit // AntK. 1960. No. 3. Abb. 2.

Сокровище Панагюриште датируется посл. четв. IV в. до н. э. – нач. III в. до н. э. В качестве гипотезы позволим себе замечание относительно датировки. Обращение к теме «Семерых против Фив» не может быть случайным. На наш взгляд, сюжет мог приобрести популярность после восстановления Фив Кассандром в 315 г. до н.э., что было широким политическим жестом македонского правителя, получившим большую огласку в эллинистическом мире (Diod. 19.54; Paus. 9.7.4). Восстановление Фив стало поистине общегреческим делом, что подтверждается надписью, на которой частично сохранился перечень городов, оказавших помощь в восстановлении (IG 7.2419). Далее фиванский

¹ Boardman J Greek Sculpture. The Late Classical Period. London, 1995. P. 131.

² Керкеньяков Г. Золотое сокровище Панагюриште // Цветные металлы. 2013. № 11. С. 98-101.

сюжет борьбы Полиника и Этеокла находит свою параллель в борьбе между Кассандром и Деметрием I Полиоркетом. После того как Деметрий в 294 г. до н.э. стал македонским царем, он дважды брал Фивы в 293 и 290 гг. до н.э. Таким образом, сюжет ритонизированной амфоры из Панагюриште мог стать откликом на политическую пропаганду того времени, а сама амфора, вероятно, могла быть содана в промежутке от 315 до 290 г. до н.э.

Сюжет ритонизированной амфоры, по нашему мнению, мог возникнуть под влиянием событий не только из политической, но и из интеллектуальной истории Фив того времени. Изображенный на амфоре сюжет близок к описаниям Эсхила, через которые просматривается образовательное пространство города, которое деформировано братоубийственной войной. Педагогический аспект присутствует не только в том, что было изображено на амфоре, но и в том, для чего это было сделано. Существуют различные версии того, как эта амфора могла быть использована. Вероятно, она предназначалась для ритуальных возлияний. Дело в том, что еще Геродот писал о скифах, что у них «ежегодно раз в году каждый начальник в своем околотке приготовляет чашу вина, из которой пьют те лишь скифы, которые умертвили врагов» (Hdt.4.66. Перевод Ф. Г. Мищенко). Аристотель вторит историку, что «у скифов такой человек (не убивший ни одного неприятеля – А.М.; В.П.) не имел права во время одного праздника пить из круговой чаши (Ar. Pol. 1324b. Перевод С. А. Жебелева). Все это говорит об обычае скифов и близких к ним обществ (куда отчасти можно отнести и фракийцев) совершать совместные ритуальные возлияния. К примеру, Ксенофонт рассказывает, как он и фракийский царьодриссов Севт Ппили за здоровье друг друга вино из рога (Xen. Anab.7.2,23; ср. Xen. Anab.7.3,21-32). Представляется, что сервиз из Панагюриште как раз подходил для подобных целей. Существует версия, что амфора подчеркивает двойственность (две ручки, два отверстия, два изображения на дне, две змеи, двойная флейта) и это вызывает предположение, что она была основным атрибутом ритуалов, в ходе которых обе стороны произносят клятву верности¹.

Таким образом, судьба Полиника и Этеокла должна была напоминать участвующим в ритуале о том, к чему приводит война в целом и братоубийственная война в особенности. Соответственно, сюжет трагедии Эсхила, зафиксированный на предмете материальной культуры, послужил средством расширения эллинского образовательного пространства даже на территорию периферии, в данном случае Фракии. Фракийская элита или была целевой аудиторией данного послания, или же, будучи достаточно знакома с эллинской культурой, выступила заказчиком данного сюжета. Одно может не отменять, а дополнять второе.

Примеры проекций образовательного пространства древнегреческих Фив в материальной и интеллектуальной культурах, на которые мы указали, открывают достаточной широкий простор для интерпретаций. Представление Эсхила о том, что пространство осажденного города имеет педагогическую модальность, было настолько оригинальным, что им не пренебрегли и в эллинистический период. Появление эсхилевского сюжета на сервизе из Панагюриште свидетельствует о большом внимании к Фивам – городу с непростой судьбой и сложной историей, в которой можно найти множество параллелей с мифологическим сюжетом о семерых против Фив.

Источники и литература:

Аристофан. Лягушки // Аристофан. Комедии. Фрагменты / пер. Адр. Пиотровского. М.: Ладомир; Наука, 2008. С. 615-705.

Гомер. Одиссея / пер. с древнегреч. В. Жуковского; вступит. статья А. Тахо-Годи; примеч. С. Ошерова. М.: Худож. лит., 1981. 407 с.

Еврипид. Финикиянки / пер. И. Анненского // Еврипид. Трагедии. М.: Худож. лит-ра, 1969. Т. 2. С. 165-250. Керкеньяков Г. Золотое сокровище Панагюриште // Цветные металлы. 2013. № 11. С. 98-101.

Можайский А. Ю. Новое слово в историографии древней металлургии и началах горного дела на территории Болгарии // Цветные металлы. 2018. № 9. С. 25-28.

Можайский А. Ю. Реки и ворота Фив в трагедиях Эсхила, Софокла и Еврипида как часть образовательного пространства города // Hurothekai. 2018. Вып.2. С. 79-96.

Эсхил. Семеро против Фив // Эсхил. Трагедии / пер. С. Апта; вс. ст. Н. Сахарного, комм. Н. Сахарного и С. Апта. М.: Худож. Лит-ра, 1971. С. 127-168.

Aravantinos V. The Archaeological Museum of Thebes. Athens, 2010. 395 p.

Boardman J. Greek Sculpture. The Late Classical Period. London, 1995. 248p.

Orachev A. Bulgaria: The beginnings of mining and metallurgy and the ancient treasures. Sofia: Borina Publishing House, 2018. 191p.

Simon E., Cahn H. A. Der Goldschatz von Panagjuriste – eine Schöpfung der Alexanderzeit // AntK. 1960. № 3. P. 3-29.

¹ Керкеньяков Г. Золотое сокровище Панагюриште // Цветные металлы. 2013. № 11. С. 100.